

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ МОРАЛЬНОГО РЕАЛИЗМА¹

Янь Сюэпун

Университет Цинхуа, Пекин

Если у вас большая страна, но бестолковая политика, то это ограничит её влияние; если у вас маленькая страна, но компетентная политика, то это приведёт к развитию.

«Гуань-цзы», 23:4

Abstract

In the 1980s, having been traumatised by the experience of the Cultural Revolution, the Chinese government avoided ideology in foreign policy shaping and thus tabooed its role. However, in the 1990s, communist ideology as the starting point for determining China's foreign policy, was being consistently replaced by the concept of "national interests". The author of the present research, who also contributed to this process, noticed later that people tend to approach the concepts of "interest" and "morality" as opposites. "Morality" as a policy determining factor is then narrowed to a notion that obviously contradicts "national interests". The present work focuses on the idea of how to combine the concepts of "interest" and "ethics" while pursuing the broader goal of strengthening social and international justice.

Keywords: *Morality, Ethics, Ideals, Social Justice, World Order, Political Leadership, USA, China*

Аннотация

В 1980-е годы XX века, будучи травмированным опытом Культурной революции, китайское правительство избегало идеологии в формировании внешней политики и табуировало её роль. Однако в 1990-е годы, в том числе, не без влияния автора настоящего исследования коммунистическая идеология в качестве отправной точки определения внешней политики стала заменяться понятием «национальные интересы». Впоследствии автор заметил, однако что люди часто считают понятия «интерес» и «мораль» противоположными друг другу. В результате, зачастую нравственность при определении политики государства рассматривается как понятие, заведомо противоречащее национальным интересам. Именно разработке идеи совмещения интереса и этики в целях укрепления социальной и международной справедливости посвящается эта работа.

Ключевые слова: *Мораль, этика, нравственность, социальная справедливость, мировой порядок, политическое лидерство, США, Китай*

Основные вопросы теории морального реализма² – каким образом возвышающаяся страна может занять положение лидирующей страны в мире, а также вопрос об изменении «мирового центра силы». Основной ответ, который моральный реализм даёт

---

¹ Данная статья – часть более широкого исследования Яня Сюэпуна, озаглавленного «Смещение мирового центра силы. Политическое лидерство и стратегическая конкуренция», Пекин: Издательство Пекинского университета. 2015. - 233 с. (на кит. языке). Перевод статьи – Татьяна Жирова и Дай Чуан, редактор перевода - Лариса Смирнова.

² «Моральный реализм» - термин, введённый в оборот доцентом Австралийского национального университета Чжаном Фэном. Он предложил называть «моральным реализмом» результат смещения западной теории реализма в международных отношениях и древнекитайской философии «таоизма».

на эти вопросы, следующий: возвышающаяся страна может достичь успеха в том случае, если потенциал её политического лидерства превысит потенциал лидирующей на мировой арене страны. В определённой степени данное толкование подходит и для других, более слабых государств, которые сталкиваются с проблемой преодоления давления более сильных государств в международной политике. Теоретическая конструкция морального реализма сталкивается с двумя основными проблемами: во-первых, может ли теория, уделяющая такое большое внимание морали, считаться реализмом; во-вторых, возможно ли, рассматривая политическое руководство в качестве одной из независимых переменных, создать систематическую научную теорию. Мы постараемся ответить на два этих вопроса, а именно: как соотносятся понятие морали и теория реализма и как научно аргументировать логику теории морального реализма.

Раздел первый. Понятие морали в теории морального реализма

1. Ошибочное толкование реализма

Изначально термин политического реализма был введён в теорию мировой политики американским политологом Гансом Моргентау. Некоторые ошибочно полагали, что теория реализма отрицает нравственные принципы в политике. В этой связи, Кен Томпсон и Дэвид Клинтон отмечали: «Именно по этой причине Моргентау больше всего подвергался критике. Теория политического реализма включает в себя правовые доктрины, моральные ценности, либерализм, конструктивизм и так далее, тем самым объединяя в себе различные научные подходы» (Morgenthau 2004: 23). В 2013 году автор этих строк работал с американским политологом Джоном Миршаймером, основоположником теории «наступательного реализма», который, критикуя меня за внесение понятия морали в теорию реализма, сказал мне: «Истинный реалист должен больше всего избегать как раз чувства морали, больше всего избегать лезть не в своё дело» (Mearsheimer/ Yan Xuetong 2013). Он также сказал: «Профессор Янь предлагает реализацию такой дипломатической стратегии Китая, где приоритетом станет достижение морального превосходства, но, на мой взгляд, такой подход только увеличивает риски для Китая. Поверьте мне, я как раз родом из такой страны. США – это нация с самым сильным и устойчивым чувством моральной ответственности, но американская дипломатия, основанная на моральном превосходстве, привела нас к вмешательству в большое количество международных споров и даже к образу агрессора» (там же).

Обратившись к фундаментальному труду Г. Моргентау «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир», в котором он раскрывает тему морали в теории политического реализма, читатель заметит, что реализм не только не избегает вопросов морали, но, напротив, подчёркивает необходимость правильно оценивать роль морали в международных отношениях. Г. Моргентау пишет: «Говоря о международной морали, необходимо избегать двух крайностей: нельзя переоценивать влияние этики на международную политику, но нельзя и недооценивать её влияние, нельзя отрицать, что в своих действиях политики и дипломаты руководствуются и другими мотивами, помимо реальной силы» (Morgenthau 2004: 240). Два из шести принципов политического реализма Моргентау касаются морали. Один из них подчёркивает, что международная мораль конкретна, а не абстрактна. Моргентау пишет «Реализм настаивает на том, что международные моральные принципы не могут служить абстрактным обоснованием действий государств; их применимость должна

рассматриваться в контексте конкретного времени, места и среды». Другими словами, страна не имеет права от имени представляемого ею народа полагать, что «ради справедливости можно не пожалеть уничтожить мир». Другой принцип реализма Моргентау предполагает, что мораль отдельной страны – это не то же самое, что международная мораль. «Политический реализм отказывается идентифицировать моральные цели определённой нации с основополагающими общечеловеческими моральными законами» (там же: 12).

В книге Г. Моргентау - целых две главы, в которых рассматриваются вопросы международной морали. Он не приводит доказательств полезности морали для международной политики, а показывает, насколько ошибочной, и даже вредной, может быть замена международной морали моралью национальной. По мнению автора, невозможно отрицать позитивную роль моральных принципов в международной политике, однако, необходимо различать истинную международную мораль и ложную международную мораль. Моргентау пишет: «Ошибочным является путать ситуацию, когда люди на самом деле следуют моральным нормам, с ситуацией, когда они делают вид, будто придерживаются моральных норм. Не следует также путать её с ситуацией, когда только писатели в своих произведениях требуют, чтобы люди следовали моральным правилам» (там же: 240). В реалистичной международной политике люди сталкиваются с дилеммой морального выбора. С одной стороны, они должны следовать основному этическому принципу, согласно которому никто не может быть лишён жизни с другой стороны, требуется лояльность интересам своей страны, а в случае войны основной целью становится уничтожение сил противника. Г. Моргентау называет это моральное противоречие «конфликтом между наднациональной этикой и национальной этикой» (там же: 260). Он считает, что после появления национальных государств лояльность своей стране постепенно стала основным правилом морали, что привело к ослаблению общечеловеческого этического принципа, согласно которому никто не может быть лишён жизни. Именно поэтому Г. Моргентау выступает против начала войны под предлогом защиты моральных ценностей одной страны, а также против подмены общепринятых в международном сообществе нравственных норм моралью одной страны. Он открыто говорит о том, что политика США по разжиганию войн якобы в целях защиты «прав человека» является ошибочной (там же: 267). На основе этих аргументов, Г. Моргентау объясняет причины Первой Мировой Войны развитием в то время националистических идей, в этом его позиция схожа с взглядами многих его современников. Тем не менее, всё это показывает, что он отнюдь не отрицает роль морали, но полагает, что основанные на верных моральных принципах действия государств оказывают позитивное влияние на международный порядок.

Джон Миршаймер считает, что призыв автора этих строк подчёркивать мораль во внешней политике Китая скрывает в себе опасность. На первый взгляд, его доводы выглядят близкими аргументам Г. Моргентау, но на самом деле отталкиваются от неправильного понимания теоретической базы принципов Моргентау. Г. Моргентау полагает, что подмена международной морали моралью одной страны является опасной однако, он отнюдь не считает, что опасно следовать общепринятым этическим нормам и выражает беспокойство по поводу того, что роль общепринятой морали непрерывно ослабевает. Дж. Миршаймер ошибочно полагает, что автор этих строк призывает Китай подчёркивать свою собственную мораль, а не универсальные моральные принципы. В действительности моральный реализм оперирует этическими концептами, имеющими универсальную, а не национальную ценность, а говоря конкретно, такими понятиями,

как справедливость, правосудие, цивилизованность и честность (Yan Xuetong 2013: 15-28).

Кроме того, по вопросу о том, как реализовать на практике международные моральные принципы, наша теория морального реализма схожа с аргументами Г. Моргентау. Г. Моргентау считает, что мораль нельзя навязать другим военной силой, а можно только привлечь другие страны своим примером. В частности, он писал:

«Джон Куинси Адамс (John Quincy Adams) полагает, что Соединенные Штаты должны не навязывать свои принципы управления другим, а, скорее, выступить в качестве ролевой модели для других народов. Как правило, Соединённые Штаты так и поступают. По словам Томаса Пейна (Thomas Paine), Американская революция была «не только для американцев, но и для всего человечества», но, тем не менее, в своей политике американцы придерживались принципа, что эти универсальные принципы не должны распространяться огнем и мечом, а становиться известными человечеству благодаря примеру американских успехов. В этом заключается огромная разница между, с одной стороны, пониманием ранними Соединёнными Штатами своих отношений с остальным миром, а с другой – пресловутыми вильсоновскими принципами» (Morgenthau 2004: 266).

Идеи Моргентау очень близки к понятию «подавать личный пример» (“以身作则”, «и шэнь цзо цзэ») в китайской культуре. В ответ на критику Миршаймера, автор этих строк объяснил, почему акцент на общечеловеческие этические принципы в китайской внешней политике не содержит в себе военной опасности (Mearsheimer/Yan Xuetong 2013). Моя логика основывается на том, что существует большая разница между конфуцианской идеей «если к тебе обращаются за знаниями, не отказывай; но не стремись по собственной инициативе поучать других» (“来而不拒, 不往教之”, «лай эр бу цзюй, бу ван цзяо чжи») и христианским прозелитизмом. На основании приведённых выше взглядов Моргентау, некоторые из ранних американских мыслителей полагают, что нет нужды в использовании военной силы для экспорта этических ценностей. Достижение моральных целей не может быть предлогом для развязывания войн. Однако многолетняя американская практика развязывания войн под предлогом реализации моральных целей привела к тому, что американские теоретики международных отношений стали ошибочно путать понятия «достижение моральных целей» и «экспорт моральных ценностей военным путём».

В классической теории реализма, представителем которой является Моргентау, рассматриваются взаимосвязи между следованием моральным ценностям и развязыванием войны, однако, не рассматриваются взаимосвязи между следованием этическим ценностям, с одной стороны, и повышением комплексной реальной силы государства, а также укреплением его международного авторитета, с другой; не рассматривается и потенциал, который возникает у отдельных государств, в случае следования им этическим ценностям в деле лоббирования этим государством эволюции международных правил. Именно здесь и открывается исследовательское поле для морального реализма. Международные этические принципы наполняются различным конкретным содержанием в разные исторические эпохи, поэтому при разработке теории морального реализма необходимо не только оценивать международные моральные ценности сами по себе, но и исследовать роль международных этических принципов в эволюции обществ.

2. Взаимосвязь между следованием моральным принципам и повышением силы и авторитета государства

Поскольку моральный реализм является разновидностью теории реализма, он также рассматривает действия государства через призму основных понятий реализма, а именно: власти, силы и интереса. Следовательно, нам необходимо семантически определить четыре понятия: «власть», «сила», «интерес» и «мораль».

В английском языке слово «сила» (“power”) обозначает сразу несколько понятий, в том числе «контроль», «авторитет», «власть», «влияние», «сила», «способность» и так далее.³ Таким образом, в англоязычных книгах и статьях по международным отношениям слово «сила» (“power”) часто без разграничений используется для обозначения понятий «власть» и «сила». Ещё Моргентау писал о том, что в теории международных отношений нюансы значения между понятиями «власть» и «сила» необходимо чётко разделять: именно поэтому в своей книге «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир» он использует слово «сила» “power” для обозначения понятия «власть», но выражение «элементы власти» (“elements of power”) - для обозначения понятия «сила» (Morgenthau 2004: 13, 122). Однако, в его использовании выражение «элементы власти» можно понимать и как «элементы власти», и как «элементы силы». Моргентау включает в своё понятие «элементов власти» такие факторы, как география, природные ресурсы, трудоспособность, военный потенциал, население, национальный характер, национальный дух, дипломатические таланты, качество управления и т.д. Все эти факторы вместе сливаются в его теории в единое понятие власти (там же: 122-162). Объективно говоря в работе Моргентау понятие «власть» (“power”) всё же иногда обозначает «могущество», а иногда - «силу», а порой и то, и другое. Неспособность Моргентау чётко разграничить понятия «власть» и «сила» определяет два недостатка в его концепции. Во-первых, он предложил использовать «power» для определения национальных интересов, но не учёл, что “power” может по себе быть как национальным интересом, так и основой для определения национального интереса (Янь Сюэгун 1996: 47-50). Если “power” обозначает «власть», то она является национальным интересом сама по себе; если же “power” обозначает «силу», то она служит основой для определения национальных интересов. Второй недостаток связан с тем же: Моргентау не даёт чёткого разъяснения, является ли “power” самоцелью внешней политики или же инструментом для достижения целей. Если “power” – это «власть», то она скорее является политической целью; если же это «сила», то она служит инструментом для достижения целей. Именно вследствие отсутствия чёткого разграничения между понятиями «власть» и «сила» Моргентау оказывается не в состоянии ответить на вопрос о взаимосвязях между «моралью» и «властью» (“power”).

В китайском языке понятия власти (权利, «цзюаньли») и силы (实力, «шили») обозначаются двумя разными словами, первое из которых подчёркивает политическое влияние, а второе – способность это влияние оказывать. К примеру, юрисдикция полиции – это власть, а уровень физического состояния спортсмена – это сила. Эти два понятия невозможно перепутать. Благодаря чёткому смысловому различию между «силой» и «властью» в китайском языке, китайские теоретики международных

---

³ Webster’s New Collegiate Dictionary (1977), Massachusetts: G. & C Merriam Company: 902.

отношений имеют возможность точнее ответить на вопрос о том, как эти два понятия взаимосвязаны с национальным интересом, а также как эти два понятия взаимосвязаны с моралью. Возможно, для китайских теоретиков морального реализма язык становится фактором некоторого сравнительного преимущества.

Моральный реализм подразумевает, что власть является ключевой составляющей национального интереса, а, следовательно, целью, достижение которой ставит перед собой внешняя политика. Национальный интерес может включать в себя четыре аспекта: политику, безопасность, экономику и культуру, но все они касаются власти. Национальный суверенитет – это политический интерес, боеспособность – это интерес безопасности, экономическое развитие – это экономический интерес, вероисповедание – это в широком понимании культурный интерес (там же: 23). С точки зрения международной политики, суверенитет над территорией, права на использование моря, право голоса в международных организациях, права на освоение космического пространства – всё это входит в понятие национальных интересов. Пояснив, что власть сама по себе является национальным интересом, мы сможем избежать замкнутого круга, присущего теории Моргентау, когда при определении понятия «национальный интерес» через понятие «власть» (“power”), фактически понятие интереса оказывается определяемым через само себя.

Моральный реализм признаёт, что «сила» является основой для определения национальных интересов, а также инструментом для их достижения. Составляющими силы являются как материальные, так и нематериальные ресурсы страны. Она включает в себя четыре группы элементов: политические, культурные, военные и экономические. Политика играет роль активной силы, а три другие группы элементов – её ресурсы (Yan Xuetong 2011: 100-102). Все вместе эти четыре группы элементов составляют общую силу государства, на основе которой определяются его национальные интересы (Янь Сюэтуан 1996: 47-49). Например, сила, находящаяся в распоряжении страны-гегемона, определяет её интерес в поддержании существующего баланса власти в международных отношениях, однако, растущая сила возвышающейся страны определяет её интерес в перераспределении власти в международных отношениях. Интерес региональной державы – в том, чтобы поддерживать своё региональное лидерство, а не в том, чтобы стремиться к мировому лидерству. Ярким примером являются США, которые после Холодной войны стали самым мощным государством в мире, что определило их интерес в поддержании своей гегемонии на международной арене. С другой стороны, после распада СССР Россия потеряла присущую великой державе мощь, а, следовательно, борьба за мировую гегемонию уже не отвечает её интересам.

Методика определения национальных интересов с помощью силы имеет ещё одно преимущество: она позволяет, очертив верхние и нижние границы национальных интересов, верно выбрать рациональный стандарт для действий государства. Очерчивание нижнего предела позволяет избегать ошибочного преследования, под видом национальных интересов, нереалистично завышенных надежд. К примеру, после терактов 11-го сентября правительство Джорджа Буша младшего поставило перед собой радикальную цель в сфере стратегической безопасности в виде полного искоренения терроризма в мире, что привело к огромным растратам силы США, но не позволило достичь поставленной цели. Террористическая деятельность, как и казнокрадство – это вещи, которые всегда были в мире, и как бы государство ни применяло силу, искоренить их полностью не получится никогда. На своём

собственном опыте американское правительство быстро пришло к пониманию того, что цель искоренения терроризма является превосходящей возможностью США, завышенной и нереалистичной целью, в результате чего снизило приоритеты стратегической безопасности до целеустановки снижения террористической угрозы вместо её полного искоренения.

Очерчивание нижнего предела национальных интересов позволяет избегать катастрофически конфронтационных ситуаций вследствие игнорирования фундаментальных интересов других стран. К примеру, в 2012 году мощь японского и китайского флота оставались на паритетном уровне, и стороны имели возможность сохранить статус-кво в территориальном споре вокруг островов Дяоюйдао, отложив в сторону принципиальные разногласия. Однако японское правительство проигнорировало, что мощь китайского флота определяет грань допустимого при определении китайских интересов и что Китай не сможет легко смириться с «национализацией». Односторонние действия японского правительства привели к тому, что китайское правительство объявило о прохождении через острова Дяоюйдао сходной линии и начало морское и воздушное патрулирование в их районе.⁴ Из-за изначально неверной оценки нижней грани китайского терпения, определяемой достигнутой Китаем мощью, японская сторона поставила перед собой нерациональные цели, что, в конечном счёте, привело её к нежелательному политическому поражению.

Чётко определив для себя различия между понятиями «власть» и «сила», нам также необходимо прояснить значение понятия «мораль», а также взаимосвязь между следованием моральным принципам и повышением собственной власти и силы. Хотя конкретное содержание международных моральных принципов меняется с течением времени, некоторые универсальные принципы остаются незыблемыми на протяжении эпох, например: соблюдать договоры, не убивать дипломатов и эмиссаров, возвращать долги, оказывать почести главам государств и др. Эти неизменные испокон веку нормы представляют собой самые базовые стандарты морали в международных отношениях, но в то же время, именно благодаря своей сравнительной нетребовательности, они и получили всеобщее признание среди стран мира. Эти базовые моральные принципы стали общепринятой практикой для подавляющего большинства стран. Следовательно, можно сказать, что в международной политике моральные нормы низкого уровня, в конечном счёте, обладают большим общественным влиянием, чем моральные нормы высокого уровня. Так, подавляющее большинство государств – в состоянии соблюдать заключённые договоры, однако, лишь относительно небольшое число стран имеют возможность предоставлять экономическую помощь странам, пострадавшим от стихийных бедствий.

Мораль, по способу своего воздействия на власть, можно проанализировать в двух различных типах ситуаций. Есть ситуации, когда следование международным моральным нормам или их нарушение способствует повышению или, соответственно, понижению легитимности и авторитета этой страны, даже если это не обязательно приводит к росту или ослаблению её силы. Например, сопротивление Палестины политике Израиля по поглощению её территории путём создания поселений соответствует международным моральным нормам, поэтому в 1955-2013 гг. Палестине удалось 77 раз добиться категорического осуждения Израиля при голосовании в

---

⁴ “China Ships in Disputed Waters: Japan Coast Guard”, *Press TV*, (August 2, 2013), <http://www.presstv.ir/detail/2013/08/02/316811/china-ships-in-disputed-waters-japan> (accessed on August 11, 2014).

Генеральной Ассамблее ООН.⁵ Хотя соответствующие международным моральным нормам действия Палестины повысили её легитимность в вопросе защиты своего территориального суверенитета, однако, отнюдь не привели ни к росту её реально-силовых возможностей по охране своей территории, ни дали ей возможность остановить расширение Израиля за счёт строительства поселений. Обратным примером является пришедшее к власти в 2012 году в Японии правительство Синдзо Абэ, которое, в целях освобождения Японии от международных обязательств и военного строительства, предприняло попытку отрицать японские преступления во время Второй мировой войны. Посещение Абэ, в официальном статусе премьер-министра, храма Ясукуни, где почитаются японские военные преступники класса «А», нарушало международные моральные нормы, что привело к критике не только со стороны Китая и Кореи – стран, подвергшихся японской агрессии во время Второй мировой войны, но и к регулярной критике его действий со стороны европейских средств массовой информации, и даже к тому, что США, главный союзник Японии, приказали своему послу в этой стране опубликовать декларацию с «выражением разочарования» (Oshima/Takashi 2013). Хотя аморальные действия правительства Абэ ослабили легитимность наращивания им военной мощи, однако, отнюдь не сократили потенциал японского военного строительства: расходы правительства Абэ на оборону в 2013 году увеличились на 3%, превысив темпы роста ВВП за этот год (Sweetman 2013).

Во-вторых, есть и такие ситуации, когда следование международным моральным нормам или их нарушение не только способствует повышению или понижению легитимности и авторитета этой страны, но и приводит к усилению или, соответственно, ослаблению государства. Следование международным моральным нормам помогает укрепить мобилизационные возможности страны во внутренней и внешней политике, а мобилизационные возможности могут преобразовываться в материальную силу. К примеру, в 1990 году США предприняли военную операцию в Персидском заливе в целях наказания иракского правительства Саддама Хусейна за аннексию Кувейта, что соответствовало признаваемому ООН принципу защиты территориальной целостности. В результате, более двадцати государств направили свои войска на поддержку американской операции (Ежегодник "Знания о мире" 1992: 2). С точки зрения США, следование международным моральным нормам значительно усилило американские военные возможности по проведению этой операции. Что касается правительства Саддама Хусейна, то, совершив противоречащий международным моральным нормам акт аннексии Кувейта, оно хоть и не снизило свой военный потенциал, но навлекло на себя военное противостояние с военными силами многих государств во время войны в Персидском заливе. Таким образом, даже если нарушение моральных норм не обязательно приводит к реальному ослаблению конкретного государства, оно может с большой долей вероятности привести к снижению его относительного потенциала.

---

⁵ If Americans Knew. "UN Resolutions Targeting Israel and the Palestinians. <http://ifamericaknew.org/stat/un.html> (accessed on February 10, 2018).

3. Взаимосвязь между международным авторитетом и международным лидерством

Моральный реализм рассматривает существование государства в качестве первостепенного национального интереса, так как в случае, если государство прекращает своё существование, уже не может идти речи ни о каких его интересах. Именно поэтому теория морального реализма игнорирует вопросы нравственности в том случае, если речь идёт о вопросах безопасности, затрагивающих выживание государства. Вопрос выживания, в целом, не стоит перед страной-гегемоном и возвышающейся страной: их волнуют скорее вопросы перераспределения влияния в системе международных отношений, чем вопросы существования как таковые, а их конкуренция связана с тем, что страна-гегемон стремится к сохранению своих лидерских позиций, а возвышающаяся страна – к повышению своего влияния. В ситуации подобного конфликта интересов сила, требующаяся для реализации целей каждой из сторон, непосредственно связана с вопросами морали. Стратегическая репутация возвышающейся страны и страны-гегемона связана с соблюдением ими базовых международных моральных норм, а хорошая или плохая стратегическая репутация, в свою очередь, играет решающую роль для расширения или поддержания международного лидерства.

Сюнь-цзы писал: «Добродетельная власть основана на справедливости, гегемония основана на вере, а политические интриги ведут к краху» (Сюнь-цзы, 11 : 2). Эта фраза означает, что для добродетельного государства необходима моральная основа, для гегемонии необходима вера (а если нет морали, то нет и веры), а государство, которое практикует политические интриги, доведёт себя до катастрофы. Заимствовав эту точку зрения у Сюнь-цзы, моральный реализм также полагает, что для продолжительного мирового лидерства необходима моральная основа, а работа над своей стратегической репутацией – это самое минимальное моральное требование для закладывания такой основы. Нравственность и честность позволяют создать свой международный авторитет, а при отсутствии авторитета невозможно эффективно организовывать и возглавлять международное сообщество. Авторитет отдельного государства в мире основан на добровольном признании его лидерства другими государствами. В любой группе, будь она культурной, религиозной, политической партией, общественной силой или даже мафиозной структурой, честность является неотъемлемым качеством авторитетного лидера. В международном сообществе стратегическая репутация является важной опорой стратегического авторитета и лидерских позиций в мире.

Подчёркивая важность соблюдения моральных норм для создания международного авторитета, необходимо различать неодинаковую природу международного авторитета и международной власти. Международный авторитет непосредственно связан с соблюдением моральных норм, однако, наличие международной власти не относится к вопросам из категории морали. «Власть» - это способность лидировать с опорой на принуждение. Типичным примером власти может послужить то, как полиция управляет дорогами. США называют «мировой полицией», потому что они часто полагаются на военную мощь и заставляют другие страны соблюдать международные правила, на которых настаивают США. В отличие от власти, «авторитет» представляет собой способность лидировать с опорой на доверие. Типичным примером авторитета может послужить то, как врач лечит пациентов. Теоретически, возвышающаяся страна могла бы опираться только на рост своей материальной силы для повышения своей международной власти, однако, это не

приведёт к росту её международного авторитета, потому что международный авторитет строится на стратегической репутации, которая в свою очередь основывается на соблюдении моральных норм. То есть международный авторитет двух стран может быть различным даже при условии паритета их международной власти.

После распада Советского Союза в мире нет страны или группы стран, способных сбалансировать мощь американского государства. Именно поэтому международная власть США значительно увеличилась, и США сейчас обладают самой большой властью во всём мире. Хотя США уже долгое время сохраняют такую позицию, однако, в XXI веке их международный авторитет стал постепенно падать. Во время Холодной войны США были сторонниками советско-американского Договора об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО), который стал краеугольным камнем международного мира и гарантией предотвращения ядерной войны. Тем не менее, администрация У. Клинтона стала рассматривать возможность одностороннего выхода из Договора по ПРО, чтобы снять международно-правовые барьеры на пути развёртывания американской системы ПРО. Поскольку даже в рядах самой администрации У. Клинтона существовала обеспокоенность, что подобные действия серьёзно подорвут стратегическую репутацию США, решение по выходу из договора по ПРО долгое время откладывалось (Daalder et.al. 2000). В 2001 году администрация Джорджа Буша младшего, едва оказавшись у власти, сразу же объявила о выходе из Договора по ПРО и в том же году отменила санкции в ответ на проведение ядерных испытаний Индией.⁶ Два этих шага ознаменовали начало снижения стратегической репутации США. В 2003 года США в качестве предлога для начала войны в Ираке использовали сфабрикованные данные о наличии у Ирака оружия массового уничтожения (Cohn 2013), что нанесло большой удар по международному авторитету США вплоть до того, что даже традиционные союзники США среди стран Европы выступили против этой войны. В 2005 году США продолжили техническое сотрудничество с Индией, несмотря на отказ последней присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия (Vande Hei/Linzer 2006), что стало ещё одним этапом на пути снижения американской стратегической репутации. Финансовый кризис 2008 года выявил махинации в финансовых кругах США, а в 2011 году международное рейтинговое агентство Standard & Poor's снизило кредитный рейтинг США с отметки AAA до AA+.⁷ Во время «арабской весны» в 2011 году Соединённые Штаты отказались от поддержки своего традиционного союзника президента Египта Хосни Мубарака, что значительно подорвало доверие к ним со стороны других ближневосточных союзников (Amos 2011). Даже Израиль отметил, что стратегическая репутация США покачнулась (Keinon 2011). В настоящее время стратегическая репутация США не просто сильно уступает уровню репутации периода войны в Персидском заливе в 1991 году, но и в целом уровню 90-х годов XX столетия.

---

⁶ Arms Control Association (referring to the U.S. Department of State as a source) (2002, January 1). "U.S. Withdrawal From the ABM Treaty: President Bush's Remarks and U.S. Diplomatic Notes" https://www.armscontrol.org/act/2002_01-02/docjanfeb02 (accessed on 13.02.2018).

⁷ Business News (2014), "Angry Geithner Once Warned S&P about US Downgrade: Filing," January 22, 2014, 11:47 am, <https://www.thestar.com.my/business/business-news/2014/01/22/angry-geithner-once-warned-sap-about-us-downgrade/> (accessed on 02.10.2018).

Раздел второй. Теоретическая аргументация морального реализма

Любая новая теория может только в том случае считаться одной из школ реализма, если она основывается на ключевых постулатах классического реализма. Любая теория может только в том случае считаться научной, если её основанные на ключевых постулатах новые аргументы логичны и непротиворечивы. В предыдущем разделе мы рассмотрели значение центральных понятий теории морального реализма: мораль, интерес, сила, власть, авторитет, а также взаимосвязи между ними. В этом разделе будут рассмотрены основные аргументы теории морального реализма, построенные на основе этих понятий с теоретической базой в виде ключевых постулатов классического реализма.

Аргумент 1: Преследование интереса служит основной движущей силой действий государства и эволюции международных норм

Реализм предполагает, что человеческая природа по сути своей эгоистична, а следовательно страна, созданная людьми, также преследует свои интересы. Даже у младенца можно наблюдать преследование своих интересов, но у него совсем отсутствует стремление к соблюдению общественных и культурных правил, из чего можно заключить, что преследование интереса – это инстинкт человека, а следование общественным нормам – это развившаяся позже привычка. Поскольку люди определяют политику государства, то неизбежно движущей силой действий государства также становится их инстинкт преследовать собственные интересы. Приняв это в качестве данного, моральный реализм развивает на этой основе два аргумента: во-первых, преследование интереса – это главная, однако не единственная, движущая сила действий государства; во-вторых, эволюция международных норм также происходит в результате преследования государствами своих интересов.

Соглашаясь с тем, что преследование интереса – это главная движущая сила действий государства, сторонники морального реализма, тем не менее, полагают, что разница во взглядах людей оказывает влияние на принимаемые ими решения. Сюнь-цзы писал: «Природа человека задана от рождения <...>, её невозможно изменить образованием или каким-то другим путём; то, что заложено в человеке от рождения, - это природа человека; то, чему можно научить или то, что можно в человеке развить, - это уже не его природа. Понятия природного и приобретённого необходимо чётко различать» (Оригинал на древнекитайском звучит так: 荀子说: “凡性者, 天之就也.....不可学, 不可事, 而在人者, 谓之性; 可学而能, 可事而成之在人者, 谓之伪, 是性伪之分也。”) (Сюнь-цзы, 23 : 4). Заимствуя эту идею у Сюнь-цзы, моральный реализм полагает, что развитые в человеке, например, путём образования убеждения, которые Сюнь-цзы называет приобретёнными, также оказывают важное влияние на процесс принятия государственных решений. Однако их влияние отличается от того влияния, которое на процесс принятия решений оказывает природный инстинкт человека преследовать свои интересы. Преследование интересов – это прирождённое качество человека, присущее всем людям, поэтому и его влияние на процесс принятия решений одинаково вне зависимости от того, кто эти решения принимает. Мыслительные конструкты, однако, являются приобретёнными и различны у каждого человека, следовательно, каждый человек, принимая решения, испытывает на себе влияние присущих именно ему убеждений, эффект которых оказывается различным в зависимости от убеждений. В предыдущем разделе мы видели различия в выборе стратегий у Билла Клинтона и Джорджа Буша по вопросу о выходе из Договора по ПРО.

Моральный реализм полагает, что влияние убеждений на стратегические решения в основном проявляется в двух аспектах. Во-первых, при расстановке приоритетов в национальных интересах, то есть при определении того, какая цель является первостепенной для страны при данных условиях; во-вторых, при определении методов достижения этих целей. Другими словами, убеждения влияют только на решение вопросов о том, какой из интересов важнее и о том, каким способом его достичь, но не влияют на решение вопроса о существовании национальных интересов как таковых, а также на то, ставят или нет принимающие решения люди перед собой цель достижения этих интересов. Особо следует пояснить, в чём моральный реализм отличается от конструктивизма в вопросе о влиянии убеждений на определение национальных интересов. Моральный реализм полагает, что национальные интересы существуют объективно и что убеждения влияют лишь на принятие решений о приоритетности тех или иных интересов и на выбор методов их достижения. Конструктивизм же не считает национальные интересы объективными и полагает, что национальные интересы как таковые формируются общественной средой (Wendt 1999: 233-238).

Сторонники морального реализма считают, что преследование своих интересов со стороны лидирующего в мире государства является основной движущей силой при определении международных норм и их эволюции (Янь Сюэтунь/Ян Юань 2013: 287). Поддержание любого международного порядка требует наличия и сочетания военной силы и международных норм, при отсутствии хотя бы одного из этих элементов долгосрочное поддержание международного порядка становится невозможным. Приоритетным стратегическим интересом лидирующей в мире страны является сохранение того международного порядка, в котором она пользуется господствующим положением, так как этот порядок обеспечивает нахождение наибольшей международной власти в распоряжении этой страны. Лидирующая страна стремится создать такие международные нормы, которые будут способствовать долгосрочному поддержанию этого международного порядка. Эти международные нормы призваны выполнять две функции: поддержание стабильности международного порядка и снижение затрат на его поддержание. Разумеется, международные нормы могут ограничивать, в том числе, и действия лидирующей страны, однако, такие ограничения приносят ей больше пользы, чем вреда. В случае же, если вред для лидирующей страны от соблюдения каких-то правил превосходит пользу, она будет стремиться к пересмотру этих правил: именно так и происходит эволюция международных норм. Например, после мирового финансового кризиса 2008 года, США, столкнувшись с тенденцией потери господствующего положения в мировой торговле, предложили заменить ранее отстаиваемый ими принцип свободной торговли на принцип справедливой торговли. Они же стали продвигать идеи Транс-Тихоокеанского партнёрства (ТТП) и Транс-Атлантического торгового инвестиционного партнёрства (ТТИП), которые стали вытеснять правила международной торговли в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) (Brudzinska/Rostowska 2014: 1-2).

Аргумент 2: В условиях анархии государства разных типов могут иметь различные стратегии обеспечения собственной безопасности

Реализм предполагает, что международное сообщество является анархической системой. Так, в международном сообществе нет организации, имеющей монополию на использование военной силы, следовательно, каждая страна сама в ответе за

собственную безопасность, а это приводит к многочисленным дилеммам безопасности (Янь Сюэтунь/Ян Юань 2013 : 137-139). Принимая этот базовый принцип, моральный реализм, обобщив реалии выполняющих разные функции государств разных типов, предлагает скорректировать два аргумента конструктивистского реализма и наступательного реализма. Во-первых, лидирующие страны могут принадлежать к разным типам, что будет приводить к отставанию ими разных международных норм. Во-вторых, принадлежность государств к разным типам определяет разницу в их стратегиях обеспечения собственной безопасности.

Приверженцы конструктивистского реализма считают, что функции государства одинаковы, как одинакова и их роль в международной системе. Кеннет Уолтц писал: «В анархических системах похожие единицы (государства – прим. авт.) сотрудничают. В иерархических системах отличные единицы взаимодействуют. В анархических системах единицы схожи по своим функциям и, как правило, остаются такими. Схожие единицы стремятся сохранять свою долю независимости и даже могут стремиться к деспотизму. В иерархических системах единицы различны и стремятся усиливать свою специализацию (Waltz 2004: 204). В целях систематизации, Уолтц в своей теории как бы запикивает все государства в «чёрный ящик», то есть не принимает во внимание, что государства разных типов играют разные роли в международной системе. Моральный реализм рассматривает разницу в типах государств в качестве объективной реальности и полагает, что отрицание этой объективной реальности обязательно приведёт к отрыву теории от реальности. К примеру, США и Ватикан – два совершенно разных государства, которые совершенно по-разному функционируют в международной системе. США доминируют в определении международных правил в сферах политики, безопасности и экономики, а Ватикан доминирует в вопросах католицизма и его реформирования. С точки зрения морального реализма, только разделив государства на типы, можно объяснить, почему изменения в типах лидирующих стран приводят к изменению международных норм и даже к изменению типов международных систем. Сюнь-цзы разделял китайские государства доциньского периода на три типа: добродетельные, гегемонистские и основанные на грубой силе (Сюнь-цзы, 11). Если принять его классификацию, то все европейские державы накануне Второй мировой войны были колониальными государствами, основанными на грубой силе, а США и СССР после Второй мировой войны могут быть отнесены к типу держав-гегемонов. Из-за разницы в типах доминирующих в международных отношениях государств международные нормы, сложившиеся до и после Второй мировой войны, также отличаются друг от друга. До Второй мировой войны аннексия была нормальным явлением в международных нормах, а после Второй мировой войны основным принципом стала борьба за гегемонию, но аннексия территории других государств была запрещена (Устав ООН, ст. 2(4); Ли Течэн 1993: 647).

Наступательные реалисты считают, что необходимость обеспечения собственной безопасности в условиях анархической международной системы вынуждает большие государства прибегать к военной агрессии. Миршаймер не согласен с идеей деления государств на типы. Он пишет: «<...> Структура системы международных отношений заставляет государства, которые стремятся прежде всего к обеспечению собственной безопасности, тем не менее, вести себя агрессивно по отношению друг к другу. <...> Государства полагают, что чем сильнее они по отношению к своим конкурентам, тем больше они имеют шансов на выживание». (Другими словами, стремление к выживанию приводит к агрессивному поведению. – прим. авт.). И далее: «Эта ситуация,

которую никто на самом деле специально не провоцирует и к которой никто особенно не стремится, весьма трагична. Хотя у великих держав нет особенных причин соперничать друг с другом и в действительности они озабочены, прежде всего, своим собственным выживанием, тем не менее, вынуждены стремиться к власти и к доминированию над другими государствами в системе» (Mearsheimer/ John 2001: 21). В аргументации Миршаймера есть логические недостатки, так как всегда имеется несколько путей решения проблем, даже если одни и те же причины привели к их возникновению. Например, китайская медицина и западная медицина имеют разные подходы к лечению одних и тех же болезней. С точки зрения морального реализма, агрессия – это распространённый, однако не единственный стратегический выбор, к которому прибегают великие державы в целях расширения своей власти. Существуют различия в типах стран, в типах международных норм, в международном статусе, в военных технологиях – и все эти различия могут диктовать великим державам разных типов выбор разных стратегий для достижения целей расширения своей власти. Здесь можно привести ряд примеров. В период до Первой мировой войны европейские державы в своём стремлении к гегемонии прибегли к стратегии колонизации неевропейских стран. После Первой мировой войны Германия, Япония и Италия в своём стремлении к гегемонии прибегли к стратегии аннексии соседних государств. В период Холодной войны США и СССР в своём стремлении к гегемонии избрали стратегию войн через посредников. В анархическом международном сообществе маленькие страны не имеют таких возможностей поддержания собственной безопасности, как большие страны, поэтому они склонны передавать функции обеспечения их безопасности большим странам (Сунь Сюэфэн 2011: 33-49). Подобная тактика передачи функций безопасности привела к тому, что многие средние и маленькие страны уже в полной мере не обладают суверенитетом. Вследствие этой тактики даже такая крупная экономическая держава как Япония не располагает полным суверенитетом. Как раз в этом и состоит причина провозглашения правительством Синдзо Абэ цели сделать Японию «нормальным государством» (Tata 2013). Таким образом, современные национальные государства можно как минимум разделить на два типа: суверенные и полусуверенные.

Аргумент 3: Игра с нулевой суммой во властных отношениях приводит к структурным противоречиям и системному давлению на возвышающуюся страну.

Власть в теории реализма определяется как отношения контроля и подконтрольности между государствами (Янь Сюэту/Ян Юань 2013: 107-108). Исходя из этого определения, все реалисты предполагают, что власть по своей объективной природе является игрой с нулевой суммой, то есть увеличение власти в одних руках автоматически приводит к снижению власти в других руках. Моральный реализм вносит два аргумента в развитие этой идеи: во-первых, структурных противоречий между возвышающейся страной и лидирующей страной невозможно избежать; во-вторых, сокращение разницы в силе между возвышающейся и лидирующей страной приведёт к всё более серьёзным дилеммам на пути возвышения.

«Структурные противоречия» определяются как противоречия между возвышающейся страной и лидирующей страной в процессе перераспределения власти (Янь Сюэту/Ян Юань 2013: 124). Эти противоречия естественным образом возникают в результате сокращения разницы в комплексном силовом потенциале конкурирующих друг с

другом стран – и избежать их невозможно. Возвышение новой великой державы происходит в процессе непрерывного сокращения её отставания по комплексному силовому потенциалу от лидирующей страны. По мере того как потенциалы их силы сближаются или даже меняются местами, их международная власть также претерпевает изменения. Международная система является замкнутой, то есть международная власть не может увеличиваться бесконечно. Следовательно, возвышение новой великой державы сталкивается с нежеланием лидирующей державы уступать свои властные позиции вследствие снижения своего относительного силового потенциала. В то же время, возвышающаяся держава требует роста своей международной власти в соответствии с её растущим силовым потенциалом. Так возникают противоречия, касающиеся перераспределения международной власти. Субъективным политическим проявлением этих противоречий является стремление лидирующей страны к поддержанию существующего международного порядка, а возвышающейся страны – к созданию нового международного порядка. На самом деле, объективная природа этих противоречий заключается в том, что лидирующая страна стремится к сохранению существующей властной структуры в международных отношениях, а возвышающаяся страна ищет пути изменения существующей властной структуры. Именно поэтому эти противоречия получили название «структурных». Противоречия между Германией и Великобританией в 30-40 годы XX века являются классическим примером таких структурных противоречий.

«Дилемма возвышения» означает, что по мере быстрого усиления возвышающейся страны, растущее влияние, которое она оказывает на другие страны, приводит к росту сопротивления, то есть, к повышению ответного давления на неё со стороны международной системы (Сунь Сюэфэн 2013: 24). Всё это подобно третьему закону механики Ньютона, согласно которому сила действия равна силе противодействия. В приложении к возвышающейся стране можно сказать, что чем больше её сила, тем больше и вызовы международной безопасности, с которыми она сталкивается. Этот закон соответствует данному нами в первом разделе принципу ограничения интересов. По мере роста силы возвышающейся страны масштабы имеющихся у неё интересов за пределами её территории увеличиваются и у неё постоянно возникают новые международные интересы, в процессе чего она сталкивается с растущими рисками безопасности. Этот закон вполне соответствует посылке о власти как игре с нулевой суммой. Чем быстрее расширяются интересы возвышающейся страны за пределами её территории, тем больше конфликтов интересов возникает между ней и другими странами, и тем больше число стран, с которыми у неё возникают конфликты интересов. Растущее системное давление – это и есть феномен увеличения как интенсивности сопротивления со стороны других стран, так и числа оказывающих сопротивление стран. В качестве подтверждения можно привести ситуацию, когда после проведения в 2008 году Олимпиады в Пекине появилась так называемая «теория ответственности Китая», а после 2010 года, когда ВВП Китая превысил ВВП Японии, подобные международные теории получили дальнейший импульс (Цзинь Цаньжун 2009).

Аргумент 4: Изменения политической силы могут изменять баланс сил.

Все приверженцы реализма признают неравенство государств в процессе развития силы (Янь Сюэтуан/Ян Юань 2013 : 110-113). Скорость развития силы различается у разных держав, что приводит к изменениям силовой структуры международной системы, которые в свою очередь приводят к смещению мировых центров силы.

Приняв принцип неравенства государств в процессе развития силы за данность, моральный реализм приводит два аргумента в его развитии: во-первых, лидерский потенциал государства определяет рост его общей реальной силы; во-вторых, разница в лидерских потенциалах государств определяет изменения международной обстановки. Моральный реализм – это теория политического детерминизма, то есть он предполагает определяющую роль политики, поэтому мы стараемся ответить на вопрос, может ли общая сила государства, определяемая разницей в лидерских способностях государств, расти непрерывно, а также насколько быстро или медленно она может расти. Общая сила государства складывается из двух факторов: действий и ресурсов. Действия – это способность правительства к лидерству, ресурсы – это военные, экономические, культурные и другие общественные ресурсы, имеющиеся в руках принимающих решения людей. Если лидерские способности правительства высоки, то общая сила государства быстро возрастает, в противном случае, этот процесс замедляется, stagnирует или даже принимает отрицательный вектор. Высокие лидерские способности правительства способствуют во внутренней политике быстрому экономическому, военному и духовному росту, а во внешней политике - увеличению числа союзников и привлечению международной поддержки. Только рассматривая политическую силу в качестве коренного элемента комплексной силы государства, можно объяснить, в чём причина неравенства государств в процессе развития силы. Мягкая сила государства складывается из культурной и политической сил, но именно политическая сила определяет, сможет ли страна воспользоваться любыми другими факторами силы. Например, в 2003-2006 гг. американская военная, экономическая и культурная силы продолжали расти, однако, вследствие начала в 2003 году администрацией Дж. Буша младшего войны в Ираке без достаточных международно-правовых оснований, мобилизационные возможности США во внутренней и внешней политике резко снизились. За эти три года произошло сокращение комплексной американской мощи и наметилась тенденция снижения международного статуса США. Пример США тех лет, также как и пример распада СССР доказывают, что политическая сила определяет действие, а военная, экономическая и культурная силы предоставляют ресурсы для этого действия, но что при отсутствии силы действия ресурсы сами по себе бесполезны. На **рис. 1-1** представлены взаимосвязи между различными факторами силы.

Рис. 1-1. Взаимосвязи между различными факторами силы

Введём следующие обозначения: КС – комплексная сила; В – военная сила; Э –

экономическая сила; К – культурная сила; П – политическая сила. На основе рис. 1-1 можно составить следующую простую формулу комплексной силы:

$$КС = (В + Э + К) \times П$$

Уравнение комплексной силы в теории политического детерминизма схематизирует изречение Гуань-цзы, приведённое в эпиграфе к этой главе: «Если у вас большая страна но бестолковая политика, то это ограничит её влияние; если у вас маленькая страна, но компетентная политика, то это приведёт к развитию» (Гуань-цзы, 23 : 4). Это заключение соответствует приведённому выше аргументу о том, что следование моральным нормам усиливает государство и придаёт легитимность его действиям. Многочисленные примеры как из всемирной, так и из китайской истории доказывают, что возвышение государств и закат империй всегда были связаны с компетентным или неспособным политическим лидерством.

Моральный реализм полагает, что разница в лидерских качествах держав приводит к изменениям международной обстановки. Международная обстановка определяется силовой структурой и стратегическими отношениями между державами, следовательно изменения международной обстановки зависят не только от баланса сил между державами, но и от изменений их стратегических взаимоотношений (Янь Сюэтунь/Ян Юань 2013: 44-45). Превращение биполярного мира в однополярный после окончания Холодной войны произошло не только в результате радикального изменения баланса силы между США и СССР, но и в результате потери Россией большого числа союзников. Изменения стратегических отношений между державами в значительной степени зависят от морального уровня страны, находящейся во главе того или иного альянса. Честная держава в состоянии создать устойчивый союз, а также впоследствии расширять его. Если же держава теряет союзников, то она оказывается в изоляции. С точки зрения союзнических отношений, стратегическая репутация главы альянса оказывает непосредственное влияние на прочность союза во времени, рост или сокращение числа его участников, а также степень их единства. По словам Си Цюэ (*политический деятель периода Весны и Осени, годы жизни: ок. 636-600 до н.э. – прим. ред.*): «Если не наказывать отступников, то как доказать свой авторитет? Если не помогать друзьям, то как доказать свою заботу? Без авторитета и без заботы, как доказать свою нравственность? А без нравственности, как привлечь союзников?» (Цзо-чжуань, Седьмой год правления герцога Вэнь). В этой фразе говорится о том, что глава альянса сможет обеспечить его надёжность, только если он будет различать друзей и врагов, помогая друзьям и наказывая врагов. Во время Холодной войны США и СССР создали, соответственно, два военных союза – НАТО и Организацию Варшавского договора (ОВД) – на примере которых можно с двух противоположных сторон продемонстрировать важность стратегической честности главы альянса.

Требуется одно пояснение по вопросу о взаимосвязи морали и политического лидерства. Моральный реализм отнюдь не придерживается точки зрения, что мораль полностью исключает использование силы. Напротив, мы полагаем, что полный отказ от использования силы аморален. В анархическом международном сообществе средние и маленькие страны не имеют возможности защищать себя, поэтому они прибегают к стратегии передачи своих оборонных функций большим странам. Если держава полностью откажется от использования силы, то это будет означать, что она не сможет защитить подвергшиеся нападению средние и маленькие страны. Для средних и маленьких стран это будет означать, что данная держава не выполнит своих моральных обязательств и что стратегически на неё невозможно полагаться.

Раздел третий. Логика теории морального реализма

На протяжении истории человечества уже неоднократно происходило такое явление, как смещение центра мировой власти. Моральный реализм пытается объяснить общую логику этого явления. Говоря конкретно, нам необходимо объяснить, почему возвышающаяся страна, уступающая по силе лидирующей стране, оказывается в состоянии в этих условиях выиграть конкуренцию и занять ведущую позицию в мире. В данном разделе речь пойдет о типах лидерства, стратегическом выборе, стратегическом престиже, международных нормах и международном порядке, а также о материальных и логических взаимосвязях между этими понятиями.

1. Типы политического лидерства и стратегические предпочтения

Роберт Джексон (Robert H. Jackson) и Карл Розберг (Carl G. Rosberg) полагают, что типы политического лидерства оказывают большее влияние на мир, порядок, стабильность и другие нематериальные аспекты безопасности, чем любой другой фактор (Jackson and Rosberg 1982: 3). Позаимствовав у них эту идею, моральный реализм исходит из того, что феномен победы слабого над сильным в международных отношениях имеет место тогда, когда слабая сторона превосходит сильную по политическим лидерским качествам. В свою очередь, способность политического лидерства той или иной страны зависит от типов лидерства. Центральная логика морального реализма чрезвычайно проста: стратегический выбор страны зависит от двух факторов, а именно: объективных стратегических интересов этой страны и от убеждений её лидеров касательно приоритетности интересов и методов их реализации. Стратегические интересы государства и убеждения его лидеров в свою очередь определяются комплексной силой этого государства и типом её лидеров (Рис. 1-2). Между политическим лидерством и комплексной силой существует внутренняя взаимосвязь, но в целях анализа нам необходимо сделать независимыми эти две переменные. Для этого моральный реализм рассматривает комплексную силу в качестве постоянной, то есть условно предполагает, что уровень силы не может изменяться одновременно с изменением типов лидерства и что имеющаяся в распоряжении сила выполняет объективную функцию определения границ стратегических интересов. Типы лидерства наоборот, рассматриваются в качестве переменной, то есть понимается, что в условиях неизменного уровня комплексной силы могут происходить изменения типов лидерства, которые могут оказывать субъективное воздействие на заданную основу в виде комплексной силы. Понятие типов политического лидерства относится к группе людей, принимающих ключевые решения в государстве, а не только лично к высшему руководителю. С точки зрения внешней политики, принятие стратегических решений – это не личный выбор высшего руководителя, а коллективный выбор принимающей решения группы. В современном обществе правительство, как правило, состоит из представителей разных партий, поэтому тип руководителя правительства может не совпадать с типом высшего руководителя. Однако политические особенности высшего руководителя оказывают самое большое влияние на групповой тип лидерства, поэтому высшего руководителя можно рассматривать в качестве типичного представителя руководящей группы.

Рис. 1-2. Взаимосвязь между стратегическими интересами государства, убеждениями его лидеров и предпочтениями при стратегическом выборе

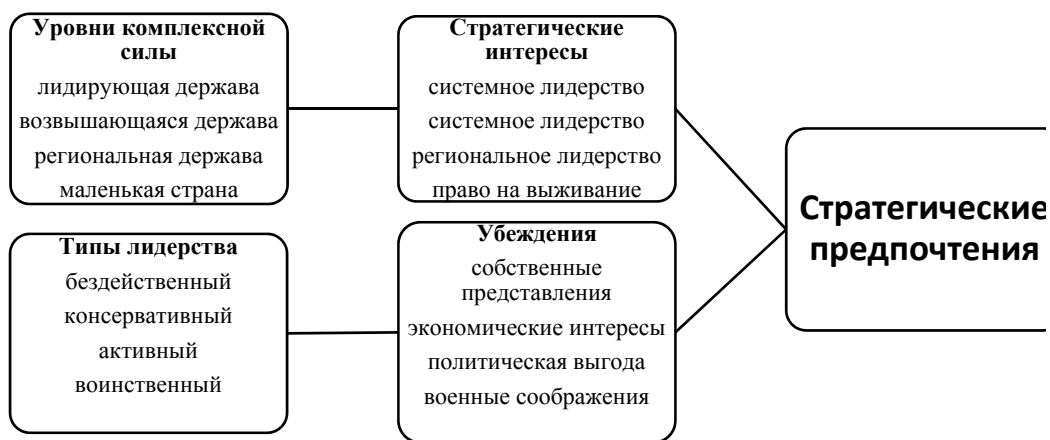

Чтобы углубить наше понимание логических взаимосвязей, представленных на рис. 1-2 нам необходимо выделить разновидности государств на основе критериев их комплексной силы и лидерских качеств. На этой основе мы сможем научиться определять, в зависимости от уровня комплексной силы государства, его важнейшие стратегические интересы, а также, в зависимости от типов политических лидеров, к каким убеждениям они будут склонны.

Мы выделяем четыре типа государств на основе критерия комплексной силы: лидирующая страна, возвышающаяся страна, региональная держава и маленькая страна. Лидирующая страна – это страна, которая обладает потенциалом оказания лидирующего воздействия на происходящее в определённой независимой международной системе, хотя и не обязательно в глобальном масштабе. Например, древнекитайская система не была глобальной, но была независимой международной системой. В этой системе в разные периоды существовали разные лидирующие страны (к примеру, пять гегемонов в период Весны и Осени). Возвышающаяся страна – это страна, которая приближается по силовому потенциалу к лидирующей стране и которая делит с ней международное лидерство (например, СССР в 50-е годы XX века или Китай в настоящее время). Региональная держава – это государство, которое хотя и испытывает на себе влияние более крупных стран за пределами своего региона, но в независимой международной системе своего региона обладает способностью оказывать влияние на происходящее. В настоящее время часто выделяют главные региональные державы (например, Германия и Бразилия) и вторичные региональные державы (например, Индия или ЮАР). Маленькие страны – это страны, не обладающие способностью воздействовать даже на дела своего региона. Приведённое разделение стран на типы производится на основе их относительного силового потенциала, а не абсолютной силы. Например, Канада и Австралия примерно равны по комплексной силе, но Канада находится на североамериканском континенте рядом с США, поэтому Канада является не региональной державой, а только лишь маленькой страной. Зато Австралия находится в Океании, где все остальные государства уступают ей по силе, поэтому Австралия региональной державой является. На основании приведённых четырёх уровней силы мы можем заключить, что лидирующая страна и возвышающаяся страна видят свой главный стратегический интерес в получении лидерской власти в международной системе, региональная держава стремится к власти в рамках своей региональной системы, а стратегический интерес маленькой страны сводится к сохранению своего права на выживание.

Мы выделяем четыре типа политического лидерства: бездейственное, консервативное, активное и воинственное. Типы политического лидерства государства определяются не силой государства и не особенностями страны, а характером, возрастом, воспитанием, представлениями о мире и другими личными факторами её лидеров (вопрос о причинах формирования лидеров тех или иных типов находится за пределами данного исследования). Описываемые нами четыре типа лидеров могут появиться в любой стране. Бездейственный лидер не имеет определённой политической цели, ему не хватает мотивации для расширения государственных интересов, верит в философию бездействия, поэтому он склонен принимать решения на основе своих представлений. Консервативный лидер стремится к сохранению статус-кво, в условиях отсутствия непосредственной военной угрозы он рассматривает экономику в качестве высшего приоритета, а экономическую силу – в качестве основы комплексной силы, поэтому он склонен принимать решения исходя из экономических интересов. Активный лидер стремится к повышению международного статуса своей страны, в его философии успех зависит от предпринятых усилий, расцвет и упадок государства он рассматривает как определяемый сильными или слабыми способностями его политического руководства, поэтому этот лидер склонен принимать решения исходя из политической выгоды. Воинственный лидер стремится к достижению целей посредством напористых и силовых действий, рассматривает военную силу как наиболее эффективное средство атаки на противника, поэтому этот лидер склонен принимать решения исходя из военных соображений (Рис. 1-3).

Рис. 1-3. Взаимосвязь между комплексной силой, политическим лидерством, стратегическими интересами государства и убеждениями его лидеров

На рис. 1-3 представлены четыре типа государств и четыре типа лидерства, исходя из которых, можно составить шестнадцать предпочтений стратегического выбора. В качестве примера мы ограничимся анализом возможностей стратегического выбора для четырёх типов лидеров возвышающейся державы. По определению возвышающаяся страна не может избежать дилеммы возвышения. Хотя дилеммы возвышения, с которой сталкиваются разные страны, принципиально схожи, но лидеры разных типов могут

выбрать разные стратегии в ответ на них. Далее рассмотрим четыре возможные стратегии.

Лидер бездейственного типа имеет склонность к стратегии избегания дилеммы. Инстинкт избегать опасности и трудности присущ как животным, так и людям. Допустим, что страна сталкивается с дилеммой сохранения своего единства. При невозможности достижения целей сохранения единства мирным путём, остаётся путь силовой, который, однако, ведёт к военной опасности. Избежать дилемму можно, отказавшись от цели сохранения единства, то есть, выбрав своего рода стратегию «уступки ради светлого будущего». Бездейственный лидер предпочитает такой путь, так как, хотя и упустив возможность сохранения государственного единства, он сможет таким образом избежать риск военного поражения. Дилемма возвышения приводит к тому, что возвышающаяся держава сталкивается с непрерывно растущим системным давлением, главным источником которого являются структурные противоречия между возвышающейся и лидирующей державами. Следовательно, если возвышающаяся держава добровольно откажется от преследования своих стратегических интересов, то напряжение в её отношениях с лидирующей державой ослабнет. В действительности стратегия избегания имеет два преимущества: во-первых, она не требует больших лидерских талантов от руководства возвышающейся страны; во-вторых, она позволяет лидерам доказать верность избранной стратегии за счёт того, что в отношениях с лидирующей державой действительно наступает разрядка напряжения. В Китае сторонники стратегии избегания часто приводят в свою пользу аргументы, основанные на философии бездействия Лао-цзы (Ван Хунсюй 2011:11).

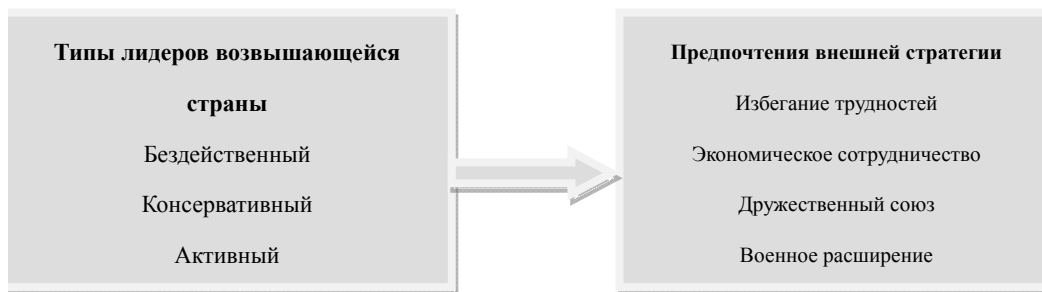
Лидер консервативного типа имеет склонность к стратегии экономического сотрудничества. Этот лидер ставит во главу угла экономические интересы, рассматривает экономику как базу комплексной силы, считает экономические интересы первостепенными ключевыми интересами государства, поэтому он анализирует структурные противоречия между возвышающейся и лидирующей державами и испытываемое возвышающейся державой системное давление через призму конфликта экономических интересов. Естественным ответом становится стратегия экономического сотрудничества, призванная ослабить конфликт интересов и снизить системное давление. Хотя, в отличие от стратегии избегания, стратегия экономического сотрудничества не позволяет полностью отстраниться от дилеммы, но она выполняет функцию временного снижения напряжения в отношениях с лидирующей страной. Добившись временного снижения напряжения, лидер может использовать это в качестве аргумента, доказывающего эффективность избранной стратегии экономического сотрудничества. В современном Китае сторонники расширения внешнеэкономического сотрудничества в целях снижения напряжённости международной обстановки являются адептами философии, согласно которой экономический базис определяет надстройку (см. рис. 1-4) (Се Сюйжэнь, s.a.).

Лидер активного типа имеет склонность к стратегии заключения союзов с соседями. Активный лидер стремится повысить международный авторитет государства до уровня соответствующего его растущей мощи. Это приводит к росту структурных противоречий между возвышающейся и лидирующей державами, а также к усилению превентивных мер, принимаемых лидирующей страной в отношении возвышающейся страны. В процессе расширения своего влияния возвышающаяся страна неизбежно сначала распространяет его на близлежащие страны, а уже оттуда – далее. Следовательно, чтобы прорвать превентивные меры со стороны лидирующей страны,

лидер активного типа избирает стратегию привлечения международной поддержки путём заключения союзов с соседними странами. Эта стратегия кроет в себе опасность военного противостояния с лидирующей страной в близлежащих к возвышающейся стране регионах, поэтому эта стратегия требует наличия достаточного мужества у руководителей возвышающейся страны. Стратегия заключения союзов подвергалась критике как «мышление времён Холодной войны», следовательно, её реализация требует сильной стратегической воли (Хэ Тяньтянь 2014, Хуанцю Ван 2014). В Китае многие сторонники стратегии заключения союзов – это реалисты, которые исходят из объективной ситуации: сегодня Китаю не хватает решительных стратегических сторонников в международном сообществе (У Сюй 2012; Янь Сюэтуан 2014: 21).

Лидер воинственного типа имеет склонность к стратегии военного расширения. Получение пользы насильственным образом – природное свойство человека. К тому же насилие позволяет быстрее всего достичь цели. Когда возвышающаяся страна уступает по силе лидирующей стране, ее воинственный руководитель может организовать вооружённое нападение на более слабые страны и даже на страны с одинаковой мощностью. Стратегия военного расширения содержит в себе большой риск поражения, так что человеку, принимающему подобные решения, надо не бояться войны. В современном Китае люди, которые поддерживают стратегию военного расширения, основывают свои аргументы на истории эпохи европейской колонизации и полагают, что лидирующие позиции в мире можно заполучить только военным путём (Чжао 2013:11).

Рис. 1-4: Взаимосвязь между типами лидерства и стратегическими предпочтениями

Разделение лидеров на указанные четыре типа – бездейственный, консервативный, активный и воинственный – помогают пролить свет не только на отношения между типами лидеров и их стратегическими предпочтениями, но и на выбор внешнестратегических решений лидирующей страны, региональных держав и малых стран. В международной политике бывает такое явление: изменение лидеров страны часто приводит к изменениям подходов во внешнеполитической стратегии даже при неизменности силы этой страны. Например, в 2010-2013 гг. комплексная сила Японии как региональной державы не претерпела качественных изменений, но Наото Кан (*яп.* - 菅直人, премьер-министр Японии в 2010-2011 гг. прим. ред.) и Синдзо Абэ (*премьер-министр Японии с 2012 г. – прим. ред.*) принадлежат к двум разным типам руководителей, вследствие чего внешнеполитическая стратегия Японии за период 2010-2013 гг. демонстрирует два резко отличающихся подхода. Наото Кан – руководитель консервативного типа, поэтому он выбрал внешнеполитический курс, направленный на создание стратегически взаимовыгодных отношений с Китаем на основе экономического сотрудничества с конечной целью в виде сохранения Японией

своего положения в качестве региональной державы в Восточной Азии (Ван Хуань 2011). Синдзо Абэ – руководитель воинственного типа, поэтому он выбрал стратегию противодействия Китаю с той же конечной целью в виде поддержания японского влияния (Тагун 2013).

Определений стратегии бесконечно много, но мы считаем дефиницию У. Мюррея (Willanson Murray) наиболее подходящей. По его мнению, «стратегия – это процесс, постоянная адаптация к изменяющимся условиям и обстоятельствам в мире, где доминируют случай, неопределённость и двусмысленность» (Williamson/Grimsley 2004 1). Стратегия представляет собой план действий, который непрерывно подстраивается под изменения среды, так что вышеуказанные четыре типа стратегии не являются постоянными. Хотя у всех стран различные стратегии, мы можем предсказать предпочтения внешнеполитической стратегии у руководителей четырёх типов в странах четырёх видов на основании модели, представленной на рис. 1-3 (см. Табл. 1-1).

Таблица 1-1. Виды стран, типы руководителей и их стратегические предпочтения

Типы руководителей	Бездейственный	Консервативный	Активный	Воинственный
Виды стран				
Лидирующая держава	Безопасное умиротворение (Н. Чемберлен, Великобритания)	Военное сокращение (Б. Обама, США)	Вооружённое вмешательство (У. Клинтон, США)	Всестороннее подавление (Г. Трумэн, США)
Возвышающаяся держава	Безопасное избегание (Уно Сосукэ, Япония)	Расширение экономического сотрудничества в мире (Кайфу Тосики, Япония)	Дружественный союз (Н.С. Хрущёв, СССР)	Военное расширение (Л.И. Брежнев, СССР)
Региональная держава	Интервенции в соседних странах (И.К. Гуджрал, Индия)	Укрепление регионального экономического сотрудничества (А. Меркель, Германия)	Региональный союз (В.В. Путин, Россия)	Военное противодействие (С. Абэ, Япония)
Маленькая страна	Нейтралитет (Швейцария)	Неприсоединение (Дж. Кениата, Кения)	Участие в союзе (Ли Куан Ю, Сингапур)	Самоизоляция (Ким Чен Ын, Северная Корея)

Все представленные в Таблице 1-1 виды стран, типы руководителей и стратегические предпочтения типичны, однако между ними обязательно существуют различные промежуточные модели. С учётом разницы между промежуточными и типичными моделями читатели могут делать предположения о вероятном стратегическом выборе руководителей промежуточного типа. Необходимо также обратить внимание на то, что успех или поражение стратегии той или иной страны является результатом интерактивной стратегической игры многих стран и объективной стратегической ситуации, поэтому между стратегическим выбором и результатом нет прямой причинно-следственной взаимосвязи. Как говорит Гуань Цзы, «если политика одного государства – хорошая, а соседнего – плохая, то этому государству легко достигнуть гегемонии» (Гуань-цзы, 23: 4). Это означает, что удача зависит не только от стратегии одной стороны.

2. Стратегическая репутация и международный порядок

С точки зрения морального реализма, ядро правительственной морали для внутренней политики – гуманность, а для международной политики – стратегическая репутация. Ценит ли правительство свой международную стратегическую репутацию или нет - это зависит от типов руководителей. Бездейственный и воинственный руководители не придают большого значения международной стратегической репутации; консервативный руководитель хочет сохранить репутацию малой ценой, но не готов платить много; а активный руководитель считает репутацию имеющей ключевую важность для государства. От того, в какой степени руководитель возвышающейся страны ценит свой международную стратегическую репутацию, зависит структура международного соотношения сил, формирование нового международного порядка и его стабильность.

Наличие стратегической репутации помогает возвышающейся стране изменять существующую международную структуру (Yan Xuetong 2011: 101-102). Политическая сила – сила управляемая: *при умелом использовании (ред.)* она позволяет увеличить комплексную силу страны в несколько раз. Поэтому в ситуации превосходства материальной силы лидирующей страны возвышающаяся страна может изменять баланс сил с помощью укрепления своей политической силы. Высокий международный стратегический престиж является важным составным элементом политической силы для возвышающейся страны, так как он увеличивает число союзников и укрепляет поддержку международной политики, что способствует повышению комплексной силы. Увеличение числа союзников ведёт к росту международной материальной силы, к которой может прибегнуть возвышающаяся страна, а увеличение поддержки её международной политики – к уменьшению международной материальной силы в распоряжении лидирующей страны. Когда международная сила возвышающейся страны больше, чем лидирующей страны, право лидерства переходит в другие руки и возвышающаяся страна, замещая ведущую страну, превращается в господствующую мировую силу. Предоставление гарантий безопасности для слабых стран через союзнические отношения является главным путём создания международной стратегической репутации. Поэтому число союзников и его изменения являются важными показателями стратегического престижа страны. После окончания Холодной войны число союзников США в НАТО непрерывно росло (Ivanov 2013: 201-213), но Арабская весна привела к сокращению числа американских союзников на Ближнем

Востоке (Amos 2011).

Высокий стратегический престиж возвышающейся страны помогает ей формировать новый международный порядок. Создание нового международного порядка является процессом перераспределения власти в международных отношениях. Перераспределение власти происходит вследствие изменения баланса сил между державами. Стратегическая репутация возвышающейся страны также оказывает влияние на перераспределение власти между державами, поэтому новый баланс власти не обязательно находится в точном соответствии с балансом сил. Если возвышающаяся страна пользуется высоким стратегическим престижем и имеет много союзников, то её план перераспределения власти легко принимается в международном сообществе. В противном случае, её план сталкивается с сопротивлением. США, в процессе своего становления как мировой господствующей державы, встретились с разным восприятием своих планов переустройства мирового порядка после двух мировых войн что наглядно демонстрирует роль стратегического престижа. Так, после Первой мировой войны американское правительство проявило инициативу создания Международного союза, но сенат США отказался от Версальского договора, в результате чего Америка сама решила не участвовать в Международном союзе (Ван Шэнцзу—4 1995: 100). Это такая ситуация, как будто муж нарушает договор по причине несогласия жены. Непоследовательность американской позиции привела к потере международного стратегического престижа, поэтому американское предложение о создании Международного союза не получило поддержку других крупных держав. С другой стороны, после начала Второй мировой войны американское правительство отошло от политики изоляционизма: до вступления в войну США предоставляли военную поддержку участвующим в войне государствам, а после вступления США в войну они стали важной боевой силой союзников, что, конечно, сильно подняло международный стратегический престиж Соединённых штатов. К концу Второй мировой войны американская инициатива по созданию ООН сразу же получила поддержку большинства государств. В июне 1945 года 153 представителей от 50 стран подписали Устав ООН (Ван Шэнцзу – 6 1995: 519).

Высокий стратегический престиж возвышающейся страны также помогает создавать новые международные правила. Становление нового международного порядка требует не только перераспределения власти, но и формирования новых международных правил. Многие учёные отмечают, что возвышающаяся страна играет ключевую роль в процессе создания новых международных правил, однако они анализируют её роль с точки зрения силы, полагая, что возвышающаяся страна обладает материальной силой, чтобы поощрять те страны, которые следуют новым правилам, и наказывать те страны которые эти правила нарушают (Ikenbery and Kupchan 1990: 290 – 292). Согласно теории морального реализма, возвышающаяся страна должна, прежде всего, сама следовать новым правилам, а её превращение в образец для подражания станет основой для формирования новых международных правил (Yan Xuetong 2011: 241-243). Любая держава сохраняет свою стратегическую репутацию, только если она следует тем международным правилам, которые она предлагает другим. Все действия по исполнению подписанных международных договоров являются нравственными и способствуют повышению престижа, а те действия, в которых проявляются двойные стандарты, являются безнравственными и ведут к снижению престижа.

Обладание международным стратегическим престижем ещё важнее для поддержания существующего международного порядка, чем для создания нового порядка.

Теоретически существует возможность того, что возвышающаяся страна сможет создать новый международный порядок, основываясь только на материальной силе, но она точно не может поддерживать долговременную стабильность этого порядка только на основе материальной силы. После того, как возвышающаяся страна удачно выстроит новый международный порядок, она станет господствующей страной этой системы. Всеобщее следование международным правилам является одним из необходимых условий долговременной стабильности этого порядка, а всеобщее исполнение правил требует того, чтобы господствующая страна, сама следуя новым международным правилам, сохраняла свой высокий стратегический престиж. Существует положительная взаимосвязь между стратегической репутацией возвышающейся страны и долговечностью нового порядка. Для возвышающейся страны высокий стратегический престиж означает международный авторитет, который помогает ей надолго сохранить своё господствующее положение и сформированный ею новый международный порядок. Отсутствие же стратегического престижа приводит, соответственно, к обратным последствиям.

С точки зрения политических характеристик можно выделить три типа международного лидерства: добродетельная власть, грубая власть и гегемония по принципу «разделяй и властвуй». Грубая держава следует правилам жёсткой силы и основывает свои действия на законе джунглей, при котором сильные съедают слабых. Добродетельная держава следует нравственным нормам и основывает свои действия на существующих принципах морали. Держава-гегемон действует на основании двойных стандартов, когда для союзников применяются моральные правила, а для противников – закон джунглей (там же: 240). Международные правила оформляются и сохраняются в процессе международного взаимодействия. Добродетельная держава основывает своё лидерство в международной системе на собственном следовании моральным нормам и высоком стратегическом престиже. Она может поддерживать международные правила тремя способами: во-первых, она может сама следовать международным правилам, задавая пример для подражания; во-вторых, она может поощрять страны, следующие правилам, с тем, чтобы эти правила укоренились и стали общепризнанными; наконец, она может наказывать страны, нарушающие правила (там же: 241, 244, 245). Следовательно, международная система, в которой преобладает добродетельная власть, обладает долгосрочной стабильностью. В древнем Китае Западное Чжоу представляет собой широко известный среди учёных пример стабильности международной системы. В отличие от добродетельной державы, грубая держава лишена стратегического престижа. Она ослабляет моральные нормы и подчёркивает жёсткую силу, поэтому она не в состоянии поддерживать моральные нормы и способствовать их всеобщему признанию. Вследствие этого, международная система, в которой господствует грубая сила, отличается неустойчивостью и нестабильностью (там же: 244). Это можно проиллюстрировать на известном примере китайской династии Цинь (*династия, основанная знаменитым первым императором Цинь Шихуанди – прим. ред.*), которая имела историю длиной всего в двадцать лет. Держава-гегемон, действующая по принципу «разделяй и властвуй», прибегает к двойным стандартам. В результате она обладает стратегическим престижем и может поддерживать стабильность порядка только среди своих союзников, но не в международной системе в целом (там же: 245). В древнем Китае страна Ци периода Вёсен и осени (春秋, «чуньцю») представляла собой пример такого рода власти.

Необходимо пояснить, что моральный реализм отнюдь не предполагает обязательно то,

что международный стратегический престиж и следование моральным нормам, безусловно, приведут к желаемым результатам. На наш взгляд, следование моральным нормам приносит стратегическую пользу возвышающейся стране только в том случае, если она в состоянии обеспечивать свою основополагающую безопасность и обладает достаточно большой материальной силой. Кроме того, в случае возвышающейся страны следование моральным нормам способствует укреплению её лидерских позиций и повышению роли в формировании нового международного порядка, однако, следование тем же принципам не обязательно отвечает стратегическим интересам средних и маленьких стран. Формирование и поддержание международного порядка – это стратегический интерес больших или лидирующих возвышающихся стран, однако эти цели не являются основными для средних и маленьких стран. Средние и маленькие страны не обладают большой материальной силой, поэтому для них забота о собственном выживании часто важнее, чем поддержание международного порядка. Есть множество примеров того, как соображения стратегической репутации оказывались намного менее важными для средних и маленьких стран, чем для возвышающихся и лидирующих стран.

Выводы

Главная разница между моральным реализмом и другими школами реализма заключается в том, что вопрос об изменениях международного баланса сил моральный реализм изучает с точки зрения приобретения и замещения влияния, а не с точки зрения его сохранения и поддержания. Причина существования такой разницы проста: другие школы реализма созданы американскими учёными, которые заботятся о сохранении американского господства в мире, а моральный реализм создан китайскими учёными, в центре внимания которых находятся задачи возвышения и обновления Китая. Хотя угол зрения у этих двух групп учёных разный, у них одинаковый объект исследования – международное лидерство и его изменения.

Моральный реализм является одной из школ теории реализма, поэтому он продолжает основные постулаты реализма, хотя и дополняет их новыми положениями о принципах и путях перехода власти. Моральный реализм вносит две важные переменные – властные основы политического лидерства и международный стратегический престиж. Основы власти политического лидерства рассматриваются в качестве центрального элемента при выборе внешнеполитической стратегии в процессе укрепления влияния возвышающейся страны. Моральный реализм признает материальную силу основой успеха возвышающейся страны, но одновременно вводит понятие властных основ политического лидерства в качестве ключевого элемента международного баланса сил. Следование моральным нормам и высокий стратегический престиж помогают возвышающейся стране улучшать свои международные мобилизационные возможности в целях изменения мирового порядка и создания новых правил и новой международной системы. Моральный реализм черпает истоки в политическом детерминизме, присущем древнекитайской доинской философии. Благодаря философской концепции политического детерминизма, понимание принципов изменения международных правил в теории морального реализма глубже, чем в теориях структурного реализма и наступательного реализма.

Моральный реализм вносит новое слово в теорию международных отношений. Выделяя политических руководителей четырёх типов, он объясняет и анализирует внешнеполитические предпочтения каждого из них, а также вытекающие из них

механизмы изменения международной структуры, тенденции эволюции международных правил, основы стабильности международного порядка и процессы изменения типов международной системы. Можно использовать разные принципы при классификации политических руководителей подобно тому, как животных по их пищевым предпочтениям разделяют на травоядных, плотоядных и всеядных, а по времени активности – на дневных и ночных. Когда характер руководителей вносится в качестве переменной в теорию международных отношений, то критерии выделения типов руководителей необходимо определять согласно исследуемым вопросам. Если при изучении разных проблем применяется один и тот же стандарт, то это приводит к слепому подражанию. В теории международных отношений внешнеполитические решения и международные правила – две разные вещи, так что существуют разные критерии выделения типов политических руководителей. Международные правила представляются составным элементом международного порядка, и эволюция международного порядка сильно влияет на международные правила.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Amos, Deborah. "Arab Leaders Feel U.S. Abandoned Egypt's Mubarak," *NPR News*, February 9, 2011, <http://www.npr.org/2011/02/09/133614346/Egypt-Arab-Leaders> [11.08.2014].
- Brudzinska K., Rostowska M., "North American's New Tread Deals: From NAFTA to TPP and TTIP," *PISM Bulletin*, No. 22 (617), February 18, 2014: 1-2.
- Cohn M. (March 19, 2013), "Iraq: A War of Aggression. No WMDs, No Connection to Al Qaeda," *Global Research*, <http://www.globalresearch.ca/iraq-a-war-of-aggression-no-wmds-no-connection-to-al-qaeda/5327548> [August 11, 2014].
- Daalder I., Goldgeier J., Lindsay J., "By Focusing Now, Clinton Can Renegotiate ABM Treaty," *Los Angeles Times*, April 2, 2000, <http://articles.latimes.com/2000/apr/02/opinion/op-15129> [February 16, 2018].
- Ikenberry J., Kupchan, Ch., "Socialization and Hegemonic Power," *International Organization*, Vol 44, No. 3, 1990, P.290-292.
- Ivanov, I. D. (2013). *Transforming NATO: New Allies, Missions, and Capabilities*. Translated by 赵文亮 (Чжао Вэнлянь), Пекин.
- Jackson R., Rosberg C. (1982), *Personal Rule in Black Africa: Prince, Autocrat, Prophet, Tyrant*, Berkeley: University of California Press.
- Keinon H. (2011). "Israeli Critics Open Up on US 'Abandonment' of Mubarak". *The Jerusalem Post*. <http://www.jpost.com/Diplomacy-and-Politics/Israeli-critics-open-up-on-US-abandonment-of-Mubarak> [February 13, 2018].
- Mearsheimer J., Yan Xuetong (2013). 阎学通对话米尔斯海默：中国能否和平崛起？ [Yánxuētōng duìhuà mǐ'ěr sī hǎi mò: Zhōngguó néng fǒu héping juéqǐ?] *Диалог Яня Сюэтуна и Джона Миршаймера: мирное возвышение Китая - возможно ли оно?* December 3, 2013, http://www.guancha.cn/YanXueTong/2013_12_03_189543.shtml [February 11, 2018].
- Morgenthau H. (2004), *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*, eds. by Kenneth W. Thompson and W. David Clinton, Peking University Publication, Beijing.
- Oshima T. (2013), "U.S. Expresses Disappointment at Abe Visit to Yasukuni Shrine," *The Asahi Shimbun*, December 27, 2013,

- http://ajw.asahi.com/article/behind_news/politics/AJ201312270048 [checked on 02.10.2018, but could not accede].
- Sweetman B. (2013), "Japan Increases Defense Spending," *Aviationweek*, December 17, 2013, <http://aviationweek.com/defense/japan-increases-defense-spending> [02.10.2018].
- Tarun Kh. (2013, October 26), "Japan Ready to Confront China, Says PM Shinzo Abe", *Zee News*, http://zeenews.india.com/news/world/japan-ready-to-confront-china-says-pm-shinzo-abe_886170.html [accessed on August 11, 2014].
- Tata S. (2014), "Japan's Quest for a New Normal - Analysis", *Eurasia Review*, May 16, 2014. Accessed February 13, 2018, <http://www.eurasiareview.com/16052014-japans-quest-new-normal-analysis>.
- VandeHei J., Linzer D. (2006). "U.S., India Reach Deal on Nuclear Cooperation", *The Washington Post*, March 3, 2006, <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/03/02/AR2006030200183.htm> [February 10, 2018].
- Waltz K.N. (2004), *Theory of International Politics*, Peking University Publication, Beijing.
- Wendt A. (1999), *Social Theory of International Politics*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Williamson M., Grimsley M. (1996). "Introduction: on Strategy", In *The Making of Strategy: Rulers, States, and War*, (translated into Chinese by Shi Yin Hong et al.), Beijing.
- Yan Xuetong (2011), *Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power*, Princeton: Princeton University Press, 2011.
- Yan Xuetong (2011), "International Leadership and Norm Evolution." *The Chinese Journal of International Relations* 4 (3).
- Yan Xuetong (2013), "New Values for New International Norms", *China International Studies*, Vol.38, No.1, Jan./Feb. 2013: 15-28.
- Ван Хуань (2011) 王欢, "菅直人将公布新外交政策 称与中国建立战略互惠关系【Jiān zhírén jiāng gōngbù xīn wàijiāo zhèngcè chēng yǔ zhōngguó jiànli zhànlüè hùhuì guānxì】 (Наото Кан объявит о новой дипломатической политике, призовет к вступлению в отношения стратегической взаимовыгоды с Китаем" 环球网 (Интернет-сайт газеты "Глобальные времена"), <http://world.huanqiu.com/roll/2011-01/1433322.html>? 01 17, [02 15, 2018].
- Ван Хунсюй (2011) 王红续, "新中国外交的价值取向与战略抉择【Xīn zhōngguó wàijiāo de jiàzhí qǔxiàng yǔ zhànlüè juézé】 (Определение ценностей в современной китайской дипломатии и проблемы стратегического выбора)." *国际关系学院学报【Guójì guānxì xiéyuàn xuébào】* (Вестник Института международных отношений- 6).
- Ван Шэнчзу (1995) *国际关系史【Guójì guānxì shǐ】* (История международных отношений), В 12-ти т. / Ред. 王绳祖【Wáng Shéngzǔ, Т. 4, 6. 北京(Пекин).
- Гуань-цзы 管子 (Электронный ресурс) // Портал «Chinese Text Project»; <http://ctext.org/guanzi> [15.02.2018].
- Ли Течэн (1993) 李铁城, *联合国的历程 [liánheguó de lìcheng]* (История ООН). 北京 (Пекин): 北京语言学院出版社 (Издательство Пекинского института иностранных языков).
- Се Сюйжэнь n.d. 谢旭人, "发展互利共赢的中美经济合作关系【Fāzhǎn hùlì gòng yíng de zhōng měi jīngjì hézuò guānxì】 (Взаимовыгодное развитие и китайско-американские отношения экономического сотрудничества)." *中华人民共和国商务部网* (Интернет-портал Министерства коммерции КНР). http://www.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/caizhengxinwen/201005/t20100523_319021.html [February 15, 2018.]

- Сунь Сюэфэн (2011) 孙学峰, "东亚准无政府体系与中国的东亚安全政策 [Dōngyà zhǔn wú zhèngfǔ tǐxì yǔ zhōngguó de dōngyà ānquán zhèngcè] (Анархическая система восточноазиатского типа и китайская политика безопасности в Восточной Азии)." 外交评论 [Wàijiāo pínglùn] (Комментарии по внешней политике) (6): 33-49.
- Сунь Сюэфэн (2013) 孙学峰, 中国崛起困境 [Zhōngguó juéqǐ kùnjìng] (Дилеммы возвышения Китая). 北京 (Пекин): 社会科学文献出版社 (Академическое издательство социальных наук).
- Сунь-цзы 荀子 (Электронный ресурс) // Портал «Chinese Text Project»; <http://ctext.org/xunzi> [15.02.2018].
- У Сюй (2012) 吴旭, "中国应放弃不结盟政策 【Zhōngguó yīng fàngqì bù jiéméng zhèngcè】 (Китаю следует отказаться от политики невступления в союзы)." 中国新闻周刊 (Еженедельник "Китайские новости"), 01 10. [15.02, 2018].
- Хэ Тяньтянь (2014) 何天天 【Hé Tiāntiān, 尹卓 : 军事集团化有冷战思维 结盟不符合中俄利益 【Yīn zhuō: Jūnshì jítuán huà yǒu lěngzhàn sīwéi jiéméng bù fúhé zhōng é liyì】 (Инь Чжуо: военная корпоративизация несёт на себе отпечаток менталитета Холодной войны, вступление в союз не соответствует российско-китайским интересам). 人民网 (Интернет-сайт газеты "Жэньминь жибао"), 05 19, http://news.ifeng.com/a/20140519/40363851_0.shtml [02 10, 2018.}
- Цзинь Цаньжун (2009) 金灿荣, 从“中国威胁论”到“中国责任论”, 中国国际舆论环境的变化与应对 [cong "zhong guo wei xie lun" dao "zhong guo ze ren lun"] (Как Китаю реагировать на изменение отношения к нему в направлении от «доктрины китайской угрозы» до «доктрины китайской ответственности»), June 7, 2009, <http://m.aisixiang.com/data/27810/html> [February 20, 2018].
- Цзо Чжуань 左传 (Электронный ресурс) // Портал «Chinese Text Project»; <http://ctext.org/text.pl?node=18368&if=en&show=parallel> [15.02.2018].
- Чжао Пи (2013) 赵丕, "关于新军事变革若干问题的战略思考 【Guānyú xīn jūnshì biàngé guògān wèntí de zhànlüè sīkǎo】 (Каким образом новая военная революция изменяет стратегическое мышление)", 战略研究 (Стратегические исследования) (2).
- Янь, Сюэтун (1996), 中国国家利益分析 [Zhōngguó guójiā liyì fēnxī] (Анализ национальных интересов Китая), 天津人民出版社 (Тяньцзиньское народное издательство), Тяньцзинь.
- Янь Сюэтун, Ян Юань (2013) 阎学通, 和 杨, 国际关系分析 [Guójì guānxì fēnxī] (Анализ международных отношений), 北京 (Пекин): 北京大学出版社 (издательство Пекинского университета).
- Янь Сюэтун (2014) 阎学通, "权力中心转移与国际体系转变 【Quánli zhōngxīn zhuǎnyí yǔ guójì tǐxì zhuǎnbìan】 (Смещение мирового центра силы и изменения мировой системы международных отношений), 当代亚太 【Dāngdài yàtài】 (Современные азиатско-тихоокеанский регион).